

УДК 343.33

DOI [10.17150/1996-7756.2015.9\(1\).68-77](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(1).68-77)

НАПАДЕНИЕ НА УЧРЕЖДЕНИЯ, КОТОРЫЕ ПОЛЬЗУЮТСЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАЩИТОЙ: СУЩНОСТЬ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

С.А. Дробот, А.А. Куличков

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

10 октября 2014 г.

Дата принятия в печать

4 февраля 2015 г.

Дата онлайн-размещения

31 марта 2015 г.

Ключевые слова

Нападение; насилие;
учреждения, которые пользуются
международной защитой;
служебное помещение; жилое
помещение; транспортное средство

Аннотация. Применительно к ст. 360 УК РФ раскрывается сущность уголовно-правовой категории «нападение» через призму его основного признака — агрессивно-насильственного воздействия. Рассматриваются особенности двух основных видов насилия в уголовном праве — физического и психического. Оспаривается точка зрения, согласно которой нападение может объективировать лишь физическое насилие. Приводится авторская трактовка термина «нападение», подразумевающая физическое воздействие, характеризующееся повышенной интенсивностью и причиняющее вред физическому и (или) психическому здоровью потерпевшего. Делается вывод о том, что деяние как признак объективной стороны рассматриваемого посягательства характеризуется насилием, а нападение представляет собой способ совершения преступления. Посредством сравнения величин санкций предпринимается попытка определить «объем» нападения в действующей редакции нормы, закрепленной в ст. 360 УК РФ. Обосновывается позиция, согласно которой нападение — это насильственное нарушение иммунитета статуса защищаемых лиц и учреждений. Высказывается мнение о том, что положения ст. 360 УК РФ не могут применяться в ситуации, когда отсутствовало непосредственное физическое насильственное воздействие на потерпевшего. Вносятся предложения об исключении термина «нападение» из текста исследуемой нормы. Предлагается ввести уголовную ответственность за незаконные действия в отношении защищаемых учреждений, существенно расширить тем самым пределы их усиленной защиты. Данный состав мог бы включать различные посягательства на неприкосновенность учреждений и их собственность. Завершающим штрихом повышения эффективности уголовно-правового противодействия подобным посягательствам должно стать существенное расширение круга предметов, в отношении которых действует особый режим.

ATTACK UPON INTERNATIONALLY PROTECTED INSTITUTIONS: ESSENCE AND IMPROVEMENT OF MECHANISM OF CRIMINAL LAW COUNTERACTION

Drobot, Sergey A., Kulichkov, Aleksey A.

South Ural State University, Cheljabinsk, Russian Federation

Article info

Received

2014 October 10

Accepted

2015 February 4

Available online

2015 March 31

Keywords

Attack; violence; internationally
protected institutions; official
premises; private accommodation;
means of transport

Abstract. The article reveals the nature of criminal term «attack» in terms of its main aspect — aggressive violent effect. The authors study its nature relating to art. 360 of the Criminal Code of the Russian Federation. Two major types of violence are studied — physical and psychiatric. The authors doubt that attacks can only be objectified through physical violence. The article provides a new definition of «attack» that implies a physical effect of high intensity and damage to physical and mental health of victim. The authors conclude that action as an objective aspect of offence in question is characterized as violent, whereas attack is considered as commission of crime. Sanction comparison is intended to detect the «volume» of attack in terms of Regulations under art. 360 of the Criminal Code of the Russian Federation. The authors justify that attack is a perforce violation of immunity status of persons and or Institutions under Protection. It was argued that art. 360 of the Criminal Code of the Russian Federation can not be applied to situations with no direct physical violent effect on the victim. The authors suggest that «attack» term needs to be eliminated from the text of the Law. Moreover, authors also suggest imposing criminal responsibility for illegal actions on Institutions under Protection and therefore expanding their protection. These actions may include various infringements on inviolability and property of the institutions. These infringements counteraction may also be achieved by widening range of items under special security.

Россия участвует в Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, от 14 декабря 1973 г. (далее — Конвенция 1973 г.) [7, с. 18–23]. Положения ее имплементированы в гл. 34 разд. XII УК РФ, где выделен самостоятельный состав преступления, предусмотренный в ст. 360 УК РФ. Но, несмотря на пристальное внимание современных государств к вопросу обеспечения безопасности международно защищаемых учреждений, посяательства на них продолжают совершаться. При этом следует отметить изменение характера нападений. В настоящее время преобладают акты экстремизма и терроризма [32, р. 32–33]. Именно поэтому при подготовке дипломатов гораздо большее внимание теперь уделяется обеспечению их безопасности от террористических проявлений [31, р. 150].

Такие недавние события, как нападения на российские дипмиссии на Украине, в Ливии, Сирии и Польше, диктуют необходимость дать объективную оценку действующей в нашей стране системе мер уголовно-правовой охраны иностранных представительств.

Посягательство, ответственность за которое установлена ст. 360 УК РФ, имеет свою специфику, обусловленную, помимо прочего, особенностями конструкции объективной стороны преступления: она представляет собой внешний акт общественно опасного посягательства на охраняемый уголовным законом объект [5, с. 45; 11, с. 131; 18, с. 309]. Ее признаками являются общественно опасное деяние в форме действия или бездействия, преступные последствия, причинно-следственная связь между деянием и последствиями, время, место, способ, средства, орудия, обстановка совершения преступления. Названные признаки играют неравнозначную роль и делятся на обязательные и факультативные.

Обязательный признак объективной стороны любого преступления — деяние, характеризующееся органическим единством трех качеств: психофизиологического, социального и правового. Психофизиологическая характеристика поведенческого акта заключается в его осознанности и целенаправленности. Суть социальной составляющей проявляется в общественной опасности поведения. Правовой

аспект сводится к официальному признанию деяния противоправным путем закрепления его в уголовно-правовой норме [8, с. 174].

В классическом варианте считается, что общественно опасное деяние может совершаться в двух формах — действии и бездействии. Действие как активная форма преступного поведения в упрощенном виде представляет собой телодвижение. Ключевой его признак — активность. Бездействие встречается гораздо реже и означает пассивную форму общественно опасного поведения, проявляющуюся в уклонении от выполнения правовых обязанностей.

Большинство исследователей признают, что деяние как признак объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 360 УК РФ, выражается в форме действия — нападения [19, с. 91; 22, с. 796; 23, с. 812; 24, с. 694; 25, с. 799; 26, с. 806].

Помимо исследуемого посягательства термин «нападение» в качестве конструктивного признака объективной стороны состава преступления используется законодателем в следующих нормах: ст. 162 «Разбой», ст. 209 «Бандитизм», ст. 227 «Пиратство». Диспозиция ч. 1 ст. 340 УК РФ «Нарушение правил несения боевого дежурства» содержит указание на внезапное нападение как возможное негативное последствие преступления.

В УК РФ понятие «нападение» не раскрывается. Оно выработано доктриной и судебной практикой применительно в большей степени к составам разбоя и бандитизма. Его определение было закреплено в п. 8 ныне не действующего постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 1993 г. № 9 [15], а затем буквально воспроизведено в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 [14]. Согласно разъяснениям высшей судебной инстанции, нападение представляет собой действия, направленные на достижение преступного результата путем применения насилия над потерпевшим либо создания реальной угрозы его немедленного применения. Как видно, дефиниция основана на термине «насилие» и носит слишком абстрактный характер, что на практике нередко приводит к самым противоречивым ее толкованиям.

В подобном ракурсе характеризуется суть нападения в отечественной уголовно-правовой литературе. В то же время рассматриваемая ка-

тегория изучается недостаточно, как правило, применительно к исследованию смежной проблематики [4, с. 88–90; 6, с. 53–80; 16, с. 50–52]. Сущность нападения обычно раскрывается через его соотношение с насилием. В настоящее время по этому вопросу сформировались следующие позиции: 1) данные термины рассматриваются как синонимы; 2) нападение отождествляется с действием, а насилию отводится роль способа посягательства; 3) нападение есть способ (форма) применения насилия; 4) нападение воспринимается как действие, предшествующее применению насилия [13, с. 18–24].

Широкое распространение получили концепции, согласно которым понятия «нападение» и «насилие» соотносятся между собой как целое и его часть, т.е. подходы № 2 и 3. Более предпочтительным мы считаем тот, что представляет нападение как способ (форму) применения насилия. Исходя из этого ключевым признаком нападения является его *агрессивно-насильственный характер*. В законодательстве понятие насилия отсутствует, а в теории оно определяется по-разному. В современных воззрениях преобладает точка зрения о человеке как обобщенном объекте преступного насильственного воздействия [3, с. 13; 29, с. 174], имеется в виду другой человек как биологическая особь, его организм (органы, ткани, физиологические функции, психика). Случаи аутоагрессии (т.е. причинения вреда самому себе) не могут рассматриваться в качестве насилия. Принимая во внимание сказанное, мы усматриваем противоречие между законодательной формулировкой ч. 1 ст. 209 УК РФ и п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 в плане возможности совершения нападения на организацию. Сложно представить, каким образом юридическое лицо, лишенное телесной сущности, может подвергнуться нападению как насильственному воздействию на организм. По этой же причине нельзя признать правильной точку зрения, согласно которой «вооруженное нападение, сопровождающееся уничтожением домашних животных, садов, собранного урожая, плотины на реке, образует состав бандитизма, даже если нападающие не применяли насилия к людям» [13, с. 129]. Такое понимание нападения соответствует восприятию бандитизма как политического преступления, а банды как контрреволюционной шайки, что было рас-

пространено в советский период, но в современных условиях утратило актуальность. Хотя буквальное толкование ст. 209 УК РФ наводит на мысль об организации как возможном объекте нападения, логика и здравый смысл подсказывают необходимость рассматривать подобные посягательства как нападение лишь в случае создания реальной угрозы причинения вреда человеку [1, с. 4].

В целях раскрытия сущности нападения необходимо дать уголовно-правовую характеристику видам насилия. Классификация может проводиться по различным основаниям, но наиболее значимой является классификация по преступным последствиям, подразумевающая выделение физического и психического насилия.

Физическое насилие есть преступное посягательство на физическую безопасность человека в виде умышленного неправомерного причинения физического вреда потерпевшему вопреки его воле. Физический вред означает вредное изменение в биологической природе человека, лишаящее его личных физических благ [27, с. 12].

Существуют следующие разновидности энергетического воздействия, конкретизирующие физическое насилие: 1) механическое (применение огнестрельного оружия, наезд транспортного средства и т.п.); 2) физическое (действие температур, электрического тока, облучение и т.д.); 3) химическое (использование ядовитых и сильнодействующих веществ); 4) биологическое (заражение организма болезнетворными микробами и биологическими токсинами) [28, с. 43].

Физическое насилие возможно путем как действия, так и бездействия. Наиболее распространенным видом являются насильственные действия (удар ножом, приведение в действие ручной гранаты и т.п.). Бездействие может выражаться, к примеру, в ситуации, когда лицо, удерживающее заложника, не дает последнему воду, пищу.

Объединяющим фактором для различных способов физического насилия является физический вред: 1) смерть; 2) вред здоровью; 3) утрата физической свободы. Вред здоровью классифицируется на значительный (тяжкий, средней тяжести, легкий) и незначительный (физическая боль, физические страдания, беспомощное состояние) [27, с. 12–13].

В отличие от физического насилия *психическое насилие* посягает на психическую безопасность человека и предполагает причинение психического вреда здоровью потерпевшего. Суть психического вреда заключается во вредных изменениях в эмоциональной сфере человека в виде отрицательных психических состояний [27, с. 12].

Изучение литературы позволяет следующим образом сгруппировать факторы психического насилия: 1) угроза причинения вреда; 2) информация, унижающая человеческое достоинство потерпевшего, воздействующая на психику путем оскорблений, издевательств, травли и иных подобных действий; 3) шоковая информация (например, о смерти близкого) [27, с. 144–159].

Обобщение различных факторов психического насилия позволило Р.Д. Шарапову выделить несколько форм информационного психотравмирующего воздействия: 1) устно (прямое общение, по телефону и т.п.); 2) письменно (в том числе с использованием технических каналов связи); 3) жестами (например, замахивание); 4) путем создания психотравмирующей обстановки (в частности, совершение в присутствии потерпевшего приготовительных действий к расправе с ним или их имитация) [27, с. 160].

В качестве общего результата психического насилия выступает психический вред, который подразделяется на четыре вида: 1) опасение преступной угрозы; 2) физиологический аффект; 3) негативные эмоциональные состояния, не достигающие степени аффекта, но способные оказывать деструктивное воздействие на психику человека; 4) психические страдания, характеризующиеся глубиной и длительностью эмоциональных переживаний [27, с. 123, 169–181].

В литературе высказано мнение о том, что нападение рассматривается как один из способов физического насилия [28, с. 70–72]. Оно объективируется в применении виновным своей мускульной силы либо физической силы используемых им средств (механизмов, животных, иных лиц). Другими способами физического насилия, наряду с нападением, выступают тайное, обманное или с использованием доверия потерпевшего причинение ему физического вреда. Мы не можем полностью согласиться с данной точкой зрения. Нападение, безусловно, выражается в физическом воздействии, причем

активным, интенсивным, совершаемом путем действия. Но из этого вовсе не следует, что нападение есть форма лишь физического насилия. Деление насилия на виды вообще весьма условно, поскольку по-прежнему не решен вопрос относительно оснований такой классификации, да и само физическое или психическое воздействие на организм потерпевшего может быть проявлением как физического, так и психического насилия. О близости рассматриваемых категорий и конвенционности их разделения свидетельствует то, что психическим насилием может быть и физическое насилие, применяемое к другим лицам [17, с. 25].

Иными словами, говорить о нападении можно лишь в том случае, если насилие выражено в форме непосредственного физического воздействия нападающего на потерпевшего [1, с. 4]. Однако возможно, что в результате такого воздействия вред будет причинен исключительно или главным образом психическому здоровью потерпевшего, т.е. нападение будет объективировать психическое насилие. В качестве фактора психического насилия, реализуемого в форме нападения, мыслится угроза причинения вреда, точнее говоря, угроза физическим насилием, уничтожением, повреждением либо изъятием чужого имущества. Главное, чтобы она не носила исключительно вербальный характер, а была соединена с применением мускульной силы или различных средств, как вариант, сопровождалась демонстрацией оружия (или предметов, используемых в качестве оружия) или имитацией его применения. В соответствии с различными типологиями угроз (по содержанию, способу выражения, моменту осуществления) действия угрожающего характера должны быть конкретизированными, конклюдентными (или носить смешанный характер), немедленно реализуемыми. Считаем, что в качестве нападения следует расценивать, например, действия вооруженной толпы, выкрикивающей националистические лозунги, агрессивно настроенной и демонстрирующей свои намерения в процессе приближения к дипломатическому комплексу, если у сотрудников миссии возникло ощущение реальной опасности применения по отношению к ним физического насилия. При этом неприменение такого насилия в действительности не должно оказывать влияния на квалификацию содеянного по ст. 360 УК РФ как оконченного преступления.

В свете сказанного нападение — это характеризующийся повышенной интенсивностью процесс активного агрессивно-насильственного физического воздействия на потерпевшего, в результате которого физическому и (или) психическому здоровью последнего причиняется вред или создается реальная угроза причинения такового.

Объединяющими признаками нападения как способа совершения преступления являются: 1) агрессивно-насильственный характер действий виновного; 2) их повышенная интенсивность, т.е. активность физического воздействия. Иные признаки, выделяемые в уголовно-правовой литературе, или требуют существенных уточнений применительно к отдельным посягательствам и, стало быть, не являются универсальными (непровоцированность, внезапность, цель), или свойственны насилию в общем и не позволяют провести разграничение с нападением (воздействие помимо или против воли потерпевшего) [13, с. 28–33].

Буквальное толкование ч. 1 ст. 360 УК РФ позволяет выделить две разновидности нападения: 1) на лиц; 2) на учреждения, пользующиеся международной защитой. Не умаляя важности анализа нападения на потерпевших, подчеркнем, что данная проблема требует самостоятельного исследования. Сосредоточим внимание на рассмотрении нападения на учреждения.

Решение вопроса об установлении сущности нападения на учреждение осложняется следующими обстоятельствами. Во-первых, термин «учреждение, пользующееся международной защитой» является собирательным и международными документами не раскрывается. В ст. 360 УК РФ лишь оговаривается, что предметами преступного воздействия являются служебные, жилые помещения и транспортные средства. Естественно, в совокупности они не могут быть признаны учреждениями ни в гражданско-правовом, ни в международном смысле. Получается, что понятие «учреждение», употребляемое исключительно в названии ст. 360 УК РФ, фактически сведено российским законодателем к слепому копированию п. 1b ст. 2 Конвенции 1973 г. Важно, однако, понимать, что данный договор определяет, в сущности, лишь минимальные требования, стандарты установления преступности и наказуемости нападения на уровне национального законодательства.

Прямого запрета на расширение предлагаемого перечня предметов в нем не содержится. Как отмечается в специальных исследованиях, принятие Конвенции 1973 г. не является ни необходимым, ни само по себе достаточным для выполнения государством своих обязанностей в рамках действующего законодательства. Это всего лишь одна из возможных мер, принимаемых государством, стремящимся исполнить принятые на себя обязательства по особой защите [34, р. 806].

Заметим, что особым иммунитетным статусом (абсолютной или ограниченной неприкосновенностью) в международном праве наделены не только помещения и транспортные средства, но и иные предметы: имущество, активы, фонды, средства коммуникации, архивы, документы, официальные символы государств и международных организаций и т.п. [30, р. 75–76; 33, р. 876–877]. Учитывая данные обстоятельства, мы считаем необходимым использовать в тексте уголовного закона открытый перечень предметов, в отношении которых действует особый международно-правовой режим.

Во-вторых, в теории суть нападения на перечисленные объекты материального мира раскрывается далеко не однозначно. Д.Л. Сухарев понимает природу нападения на учреждения, транспортные средства и иные защищаемые предметы как несанкционированное нарушение их неприкосновенности. По мнению исследователя, нападение может проявляться в следующих формах: 1) повреждение или уничтожение такого предмета; 2) вторжение на территорию учреждения; 3) хищение предмета, например имущества дипломатического представительства или личного имущества потерпевших, дипломатической почты (при наличии соответствующего целеполагания) [19, с. 111–113]. Солидарны с ним А.Г. Кибальник и И.Г. Соломоненко [9, с. 187–189].

Е.Н. Трикоз, соглашаясь с Д.Л. Сухаревым, конкретизирует действия посягающего лица: взлом или несанкционированный обыск помещения; вторжение в него с последующим его захватом или учинением погрома, выдвижением каких-либо требований; завладение транспортным средством; противоправное проникновение в него или осуществление действий, препятствующих его функциональному использованию (повреждение механизмов и иное

воспрепятствование движению транспортного средства и др.) [21, с. 301].

Сходным образом раскрывает содержательный смысл нападения Г.Г. Криволапов: это проникновение на территорию защищаемых помещений либо в сами помещения вопреки закону с последующим совершением актов вандализма, учинением погрома и т.д.; повреждение или уничтожение транспортных средств, угон или проникновение в них с целью препятствования использованию по назначению [23, с. 813].

В интерпретации И.А. Подройкиной и С.И. Улезько нападение есть несанкционированное нарушение неприкосновенности помещений и транспортных средств, что означает как физическое вторжение в них, так и уничтожение (повреждение) находящегося там имущества, взлом или несанкционированный обыск транспортного средства и т.д. [26, с. 807].

А.А. Арямов считает, что нападение на помещения и транспортные средства предполагает в том числе проникновение в них, их блокирование, обстрел и т.д. При этом объективной стороной анализируемого преступления полностью охватываются повреждение и уничтожение имущества, а также нарушение неприкосновенности жилища. Нападение «в силу специфики комментируемой нормы может осуществляться без применения физического или психического насилия» [2, с. 82].

Представленные взгляды объединяют следующие положения: 1) нападение на учреждение принципиально отличается от нападения на физическое лицо тем, что возможно и без агрессивно-насильственного воздействия; 2) оно должно быть несанкционированным; 3) действия виновного отличаются разнообразием.

То обстоятельство, что действия нападающего могут *не иметь насильственного характера*, должно быть поставлено под сомнение. Нами обосновывался тезис о том, что нападение есть особая форма объективации насилия. Раз законодатель использует категорию «нападение», она должна иметь единое правовое наполнение применительно ко всем составам преступлений. Уголовное право, как ни одна другая отрасль, нуждается в максимально точных терминах, исключающих двоякое, неоднозначное толкование. Поэтому не следует говорить о некоей особенной трактовке нападения «в силу специфики нормы». Мы убеждены, что

нападение на учреждение возможно лишь в том случае, когда действия виновного в отношении предметов преступления сопряжены с непосредственным физическим воздействием на потерпевшего либо реальной угрозой причинения вреда его здоровью. Неслучайно п. 1б ст. 2 Конвенции 1973 г. связывает нападение на официальное жилое помещение или транспортное средство лица, пользующегося международной защитой, с угрозой личности или ее свободе.

Этой же позиции, очевидно, придерживаются правоприменители. Так, в конце сентября 2013 г. в Москве полиция задержала 16 студентов из Нигерии, устроивших погром в посольстве своей страны. Они прибыли в дипмиссию на прием для решения финансовых вопросов и после окончания мероприятия, будучи недовольными результатом, отказались покинуть территорию представительства. В конференц-зале студенты сломали мебель и угрожали продолжить погром в других помещениях. После доставления в отдел полиции правоохранители ограничились составлением на задержанных административных протоколов по ч. 3 ст. 18.8 КоАП РФ «Нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства правил въезда в Российскую Федерацию либо режима пребывания (проживания) в Российской Федерации» [12].

Возражения вызывает такая характеристика нападения, как *несанкционированный характер действий виновного*. Несанкционированность означает «отсутствие согласия лица, уполномоченного дать разрешение на нарушение неприкосновенности учреждения» [19, с. 113]. В отношении частных лиц, желающих вступить на территорию учреждения, такая трактовка справедлива, а в отношении властей государства пребывания — не во всех случаях. Проблема заключается в том, что необходимость получения разрешения на вторжение в учреждение напрямую зависит от его международного статуса. Наиболее защищенными в этом плане являются дипломатические представительства. Консульские помещения по общему правилу ограничено неприкосновенны. Из анализа положений двусторонних консульских конвенций вытекает исключительное многообразие подходов к определению объема такой неприкосновенности. Получается, что консульские помещения, к примеру, Болгарии надлежит рассматривать в качестве объекта нападения в виде несанкцио-

нированного вторжения в любом случае, а помещения Йемена — только при отсутствии прямого отказа главы консульства, посольства или лица, назначенного одним из них. Но наиболее уязвимы консульские помещения Румынии. В соответствии со ст. 38 российско-румынской Консульской конвенции власти нашей страны вправе свободно вступать в них в случае пожара или другого стихийного бедствия, требующего безотлагательных мер защиты [10].

На основе сказанного следует не соглашаться с предложенной в литературе новой редакцией ст. 360 УК РФ, ч. 2 которой должна устанавливать ответственность за несанкционированное нарушение неприкосновенности служебных или жилых помещений, транспортного средства или иного предмета, находящихся в собственности или ведении лица, пользующегося международной защитой [19, с. 115–116]. Думается, основное направление реформирования законодательства в этой области должно заключаться как раз в нивелировании различий между отдельными категориями защищаемых лиц и учреждений.

Особенностью нападения на учреждения является такое разнообразие действий посягающего лица, что исчерпывающее перечисление их в диспозиции уголовно-правовой нормы неоправданно. По нашему убеждению, действия виновного в отношении предметов преступления должны быть сопряжены с насилием над потерпевшим и могут выражаться в следующих формах:

– в отношении помещений — вторжение в них, проведение незаконного обыска, повреждение (уничтожение) их самих и находящегося там имущества (в том числе официальной символики), совершенные любым способом (об-

стрел, закидывание камнями, бутылками с зажигательной смесью и т.п.);

– в отношении транспортных средств — их незаконная остановка, проникновение в них, обыск, неправомерное завладение ими, блокирование, повреждение (уничтожение) как транспортных средств в целом, так и их отдельных механизмов.

Хищение не может рассматриваться как форма нападения ввиду того, что последнее в качестве способа совершения преступления в традиционном понимании не предполагает изъятия или обращения чужого имущества в пользу виновного. Процесс хищения является самостоятельным и осуществляется параллельно с нападением, например, в разбое или насильственном грабеже. Поэтому в такой ситуации потребуется квалификация по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 360 и п. «г» ч. 2 ст. 161 или 162 УК РФ.

В целях определения «объема» нападения на учреждения целесообразно провести сравнительный анализ верхних границ санкций за исследуемое посягательство, некоторые преступления против свободы, чести и достоинства личности, а также против собственности (табл.).

Можно заключить, что под действия посягающего лица, направленные на причинение вреда учреждениям, в соответствии с ч. 1 ст. 360 УК РФ подпадают: нарушение неприкосновенности жилища (ст. 139 УК РФ), умышленные уничтожение или повреждение имущества (ст. 167 УК РФ), неквалифицированный состав неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ч. 1 ст. 166 УК РФ), а также умышленные уничтожение или повреждение имущества (ст. 167 УК РФ).

Сравнительная характеристика верхних пределов санкций за преступления, предусмотренные ст. 139, 166, 167, 360 УК РФ

Статья УК РФ	Преступление	Верхний предел наказания в виде ареста (в месяцах) или лишения свободы на определенный срок (в годах)							
		Редакция от 7 июля 2003 г.				Редакция от 21 июля 2014 г.			
		Ч. 1	Ч. 2	Ч. 3	Ч. 4	Ч. 1	Ч. 2	Ч. 3	Ч. 4
139	Нарушение неприкосновенности жилища	3 ар.	2 л/с	3 л/с	–	3 ар.	2 л/с	3 л/с	–
166	Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения	3 л/с	7 л/с	10 л/с	12 л/с	5 л/с	7 л/с	10 л/с	12 л/с
167	Умышленные уничтожение или повреждение имущества	2 л/с	5 л/с	–	–	2 л/с	5 л/с	–	–
360	Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой	Части не выделены, 8 л/с				6 л/с	10 л/с	–	–

Нападение на учреждение, совершенное в целях провокации войны или осложнения международных отношений (ч. 2 ст. 360 УК РФ), охватывает, кроме того, квалифицированный состав неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ч. 2 ст. 166 УК РФ).

Подведем итоги. Изучаемое преступление характеризуется усеченным составом, признается оконченным в момент начала агрессивного воздействия на потерпевшего и является насильственным по своей сути. В отличие от некоторых других подобных преступлений, составы которых описываются путем закрепления термина «насилие» в статье УК РФ, в нашем случае насильственный характер посягательства следует из категории «нападение». Насилие характеризует деяние в виде действия. Нападение, являясь формой объективации насилия, представляет собой способ совершения преступления, т.е. совокупность приемов и методов, которые использовало посягающее лицо.

Термин «нападение» имеет двойственное содержание и понимается, во-первых, как конструктивный признак состава преступления, во-вторых, как характеристика механизма преступного воздействия при совершении целого ряда насильственных преступлений (убийств, изнасилований, грабежей и т.д.). Смешение данных трактовок в науке и практике приводит к одновременному существованию различных, иногда диаметрально противоположных подходов к определению природы нападения как в общем, так и применительно к отдельным

состовам, что открывает простор для судебного усмотрения, которое может перерасти в субъективизм и произвол.

В контексте изучаемой нормы нападение — это насильственное нарушение иммунитета статуса защищаемых лиц и учреждений. Неудачность категории нападения еще в большей мере очевидна при посягательстве на международно защищаемые учреждения. Положения ст. 360 УК РФ оказываются практически нереализуемыми в подобной ситуации, если при этом насилие непосредственно к потерпевшим не применялось.

Суммируя приведенные доводы, необходимо поддержать высказанную в литературе точку зрения об исключении признака «нападение» из текста УК РФ полностью либо в отношении отдельных составов [20, с. 8–9; 28, с. 72–73]. Применительно к исследуемому преступлению изъятие термина «нападение» должно привести к созданию самостоятельных норм об ответственности за различные посягательства на лиц и учреждения, пользующиеся иммунитетным статусом. В частности, следует предусмотреть уголовную ответственность за незаконные действия в отношении защищаемых учреждений. Этот состав мог бы охватывать посягательства на их неприкосновенность (вторжение, проведение незаконного обыска) и собственность (повреждение или уничтожение их самих, принадлежащего им имущества, посягательство на транспортные средства, надругательство над официальной символикой). Полагаем, что данные изменения, несомненно, повысят эффективность уголовно-правового противодействия изучаемому преступлению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапов П. Уголовно-правовая характеристика нападения при бандитизме / П. Агапов // Уголовное право. — 2005. — № 2. — С. 4–7.
2. Арямов А.А. Преступления против мира и безопасности человечества : хрестоматийн. курс лекций / А.А. Арямов. — М. : Юрлитинформ, 2012. — 472 с.
3. Безручко К.В. Понятие преступлений, связанных с применением насилия и вопросы квалификации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / К.В. Безручко. — Ростов н/Д, 2007. — 23 с.
4. Борисова С.В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с бандитизмом : дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Борисова. — М., 2006. — 189 с.
5. Бурчак Ф.Г. Квалификация преступлений / Ф.Г. Бурчак. — Киев : Политиздат Украины, 1983. — 141 с.
6. Вьюнов В.М. Разбой: уголовно-правовая характеристика : дис. ... канд. юрид. наук / В.М. Вьюнов. — Томск, 2003. — 213 с.
7. Действующее международное право. — М. : Моск. независимый ин-т междунар. права, 1997. — Т. 3. — 824 с.
8. Иванов Н.Г. Уголовное право. Общая часть : учебник для бакалавров / Н.Г. Иванов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2014. — 559 с.
9. Кибальник А.Г. Преступления против мира и безопасности человечества / А.Г. Кибальник, И.Г. Соломоненко. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. — 385 с.
10. Консульская конвенция между Российской Федерацией и Румынией от 04.07.2003 г. // Бюллетень международных договоров. — 2006. — № 4. — С. 46–73.
11. Курс советского уголовного права : в 6 т. — М. : Наука, 1970. — Т. 2. — 516 с.

12. Мамоновские страсти [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/social/2013/10/01/5676017.shtml>.
13. Нагаева Т.И. Уголовно-правовая оценка нападения : дис. ... канд. юрид. наук / Т.И. Нагаева. — М., 2005. — 176 с.
14. О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 17.01.1997 г. № 1. — Режим доступа: http://www.vsrf.ru/vscourt_detale.php?id=956.
15. О судебной практике по делам о бандитизме [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 21.12.1993 г. № 9. — Режим доступа: http://www.vsrf.ru/vscourt_detale.php?id=918.
16. Островских Ж.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика бандитизма: по материалам Восточно-Сибирского региона : дис. ... канд. юрид. наук / Ж.В. Островских. — Иркутск, 2006. — 243 с.
17. Радостева Ю.В. Уголовно-правовое понятие насилия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю.В. Радостева. — Екатеринбург, 2006. — 32 с.
18. Словарь по уголовному праву / отв. ред. А.В. Наумов. — М. : БЕК, 1997. — 702 с.
19. Сухарев Д.Л. Уголовная ответственность за нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой : дис. ... канд. юрид. наук / Д.Л. Сухарев. — Красноярск, 2003. — 159 с.
20. Токарчук Р.Е. Насилие как составообразующий признак хищений: вопросы уголовной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р.Е. Токарчук. — Омск, 2008. — 23 с.
21. Трикоз Е.Н. Преступления против мира и безопасности человечества: сравнительный и международно-правовой аспекты / Е.Н. Трикоз. — М. : Юрлитинформ, 2007. — 512 с.
22. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / под ред. В.П. Ревина. — М. : Юрид. лит., 2000. — 816 с.
23. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник для высш. учеб. заведений / под общ. ред. Н.Г. Кадыникова. — М. : Кн. мир, 2007. — 827 с.
24. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / М.П. Журавлев, А.В. Наумов, С.И. Никулин [и др.] ; под ред. А.И. Рарога. — М. : Проспект, 2010. — 704 с.
25. Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник для вузов / под общ. ред. М.П. Журавлева, С.И. Никулина. — М. : Норма, 2007. — 816 с.
26. Уголовное право: Особенная часть : учебник / В.Т. Гайков [и др.]. — Ростов н/Д : Феникс, 2008. — 827 с.
27. Шарапов Р.Д. Насилие в уголовном праве (понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения) : дис. ... д-ра юрид. наук / Р.Д. Шарапов. — Екатеринбург, 2006. — 418 с.
28. Шарапов Р.Д. Уголовно-правовая характеристика физического насилия : дис. ... канд. юрид. наук / Р.Д. Шарапов. — СПб., 1999. — 239 с.
29. Якубович О.Р. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение : дис. ... канд. юрид. наук / О.Р. Якубович. — М., 2004. — 258 с.
30. Brown J. Diplomatic Immunity: State Practice Under the Vienna Convention on Diplomatic Relations / J. Brown // International and Comparative Law Quarterly. — 1988. — Vol. 37. — P. 53–88.
31. McClanahan G.V. Diplomatic Immunity: Principles, Practices, Problems / G.V. McClanahan. — L. : C. Hurst & Co. Publishers, 1989. — 283 p.
32. Rozakis C.L. Terrorism and the Internationally Protected Persons in the Light of the ILC's Draft Articles / C.L. Rozakis // International and Comparative Law Quarterly. — 1974. — Vol. 23. — P. 32–72.
33. Szasz P.C. The UN and the ICC: The Immunity of the UN and Its Officials / P.C. Szasz, T. Ingadottir // Leiden Journal of International Law. — 2001. — Vol. 14. — P. 867–885.
34. Wood M.C. The Convention on the Prevention and Punishment of Crimes Against Internationally Protected Persons, Including Diplomatic Agents / M.C. Wood // International and Comparative Law Quarterly. — 1974. — Vol. 23. — P. 791–817.

REFERENCES

1. Agapov P. Criminal legal characteristics of attack in terms of banditism. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2005, no. 2, pp. 4–7. (In Russian).
2. Aryamov A.A. *Prestupleniya protiv mira i bezopasnosti chelovechestva* [Crimes against peace and security of mankind]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2012. 472 p.
3. Bezruchko K.V. *Ponyatie prestuplenii, svyazannykh s primeneniem nasiliya i voprosy kvalifikatsii. Avtoref. Kand. Diss.* [Definition of violent crimes and classification issues. Cand. Diss. Thesis]. Rostov-on-Don, 2007. 23 p.
4. Borisova S.V. *Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy bor'by s banditizmom. Kand. Diss.* [Criminal legal and criminological issues of banditism counteraction. Cand. Diss.]. Moscow, 2006. 189 p.
5. Burchak F.G. *Kvalifikatsiya prestuplenii* [Crimes qualification]. Kiev, Politizdat Ukrainy Publ., 1983. 141 p.
6. V'yunov V.M. *Razboi: ugolovno-pravovaya kharakteristika. Kand. Diss.* [Robbery: criminal legal aspects. Cand. Diss.]. Tomsk, 2003. 213 p.
7. *Deistvuyushchee mezhdunarodnoe pravo* [International law in force]. Moscow, Moscow Independent Institute of international law Publ., 1997. Vol. 3. 824 c.
8. Ivanov N.G. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Criminal law. General part]. 2nd ed. Moscow, Yurait Publ., 2014. 559 p.
9. Kibal'nik A.G., Solomonenko I.G. *Prestupleniya protiv mira i bezopasnosti chelovechestva* [Crimes against peace and security of mankind]. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2004. 385 p.
10. Russian Federation and Romania Consular Convention dated 04.07.2003. *Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov = International agreements bulletin*, 2006, no. 4, pp. 46–73. (In Russian).
11. *Kurs sovetskogo ugolovnogo prava* [Soviet Criminal law Course]. Moscow, Nauka Publ., 1970. Vol. 2. 516 p.
12. Mamon passions. Available at: <http://www.gazeta.ru/social/2013/10/01/5676017.shtml>. (In Russian).

13. Nagaeva T.I. *Ugolovno-pravovaya otsenka napadeniya. Kand. Diss.* [Criminal legal evaluating of assault. Cand. Diss.]. Moscow, 2005. 176 p.
14. Enactment of Supreme Court of the Russian Federation № 1 dated 17.01.1997 On Court Practice on responsibility for banditism application. Available at: http://www.vsrfr.ru/vscourt_detale.php?id=956. (In Russian).
15. Enactment of Supreme Court of the Russian Federation № 9 dated 21.12.1993 On Court Practice on banditism cases. Available at: http://www.vsrfr.ru/vscourt_detale.php?id=918. (In Russian).
16. Ostrovskikh Zh.V. *Ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya kharakteristika banditizma: po materialam Vostochno-Sibirskogo regiona. Kand. Diss.* [Criminal legal and criminological characteristics of banditism: on Eastern Siberia materials. Cand. Diss.]. Irkutsk, 2006. 243 p.
17. Radosteva Yu.V. *Ugolovno-pravovoe ponyatie nasiliya. Avtoref. Kand. Diss.* [Criminal legal definition of violence. Cand. Diss. Thesis]. Ekaterinburg, 2006. 32 p.
18. Naumov A.V. (ed.). *Slovar' po ugolovnomu pravu* [Criminal law dictionary]. Moscow, BEK Publ., 1997. 702 p.
19. Sukharev D.L. *Ugolovnaya otvetstvennost' za napadenie na lits ili uchrezhdeniya, kotorye pol'zuyutsya mezhdunarodnoi zashchitoy. Kand. Diss.* [Criminal responsibility for Attacking Persons or Institutions Being under International Protection. Cand. Diss.]. Krasnoyarsk, 2003. 159 p.
20. Tokarchuk R.E. *Nasilie kak sostavoobrazuyushchii priznak khishchenii: voprosy ugolovnoi otvetstvennosti. Avtoref. Kand. Diss.* [Violence as theft constituting aspect: criminal responsibility issues. Cand. Diss. Thesis]. Omsk, 2008. 23 p.
21. Trikoz E.N. *Prestupleniya protiv mira i bezopasnosti chelovechestva: sravnitel'nyi i mezhdunarodno-pravovoi aspekty* [Crimes against peace and security of mankind: comparative and international legal aspects]. Moscow, YurLitinform Publ., 2007. 512 p.
22. Revin V.P. (ed.). *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya i Osobennaya chasti* [Russian Criminal law. General and Special parts]. Moscow : Yuridicheskaya literatura Publ., 2000. 816 p.
23. Kadnikov N.G. (ed.). *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya i Osobennaya chasti* [Russian Criminal law. General and Special parts]. Moscow, Knizhnyi mir Publ., 2007. 827 p.
24. Zhuravlev M.P., Naumov A.V., Nikulin S.I. et al., Rarog A.I. (ed.). *Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya* [Russian Criminal law. General and Special parts]. Moscow, Prospekt Publ., 2010. 704 p.
25. Zhuravlev M.P., Nikulin S.I. (eds). *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya i Osobennaya chasti* [Russian Criminal law. General and Special parts]. Moscow, Norma Publ., 2007. 816 p.
26. Gaikov V.T. (ed.). *Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'* [Criminal law: Special part]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2008. 827 p.
27. Sharapov R.D. *Nasilie v ugolovnom prave (ponyatie, kvalifikatsiya, sovershenstvovanie mekhanizma ugolovno-pravovogo preduprezhdeniya). Dokt. Diss.* [Violence in criminal law (definition, classification, criminal legal prevention improvement). Doct. Diss.]. Ekaterinburg Publ., 2006. 418 p.
28. Sharapov R.D. *Ugolovno-pravovaya kharakteristika fizicheskogo nasiliya. Kand. Diss.* [Criminal legal aspects of physical abuse. Cand. Diss.]. Saint Petersburg, 1999. 239 p.
29. Yakubovich O.R. *Sposob soversheniya prestupleniya i ego ugolovno-pravovoe znachenie. Kand. Diss.* [Commision of crime and its criminal legal effect. Cand. Diss.]. Moscow, 2004. 258 p.
30. Brown J. Diplomatic Immunity: State Practice Under the Vienna Convention on Diplomatic Relations. *International and Comparative Law Quarterly*. 1988, vol. 37, pp. 53–88.
31. McClanahan G.V. Diplomatic Immunity: Principles, Practices, Problems. London, C. Hurst & Co. Publishers, 1989. 283 p.
32. Rozakis C.L. Terrorism and the Internationally Protected Persons in the Light of the ILC's Draft Articles. *International and Comparative Law Quarterly*, 1974, vol. 23, pp. 32–72.
33. Szasz P.C., Ingadottir T. The UN and the ICC: The Immunity of the UN and Its Officials. *Leiden Journal of International Law*, 2001, vol. 14, pp. 867–885.
34. Wood M.C. The Convention on the Prevention and Punishment of Crimes Against Internationally Protected Persons, Including Diplomatic Agents. *International and Comparative Law Quarterly*, 1974, vol. 23, pp. 791–817.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дробот Сергей Александрович — доцент кафедры судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Челябинск, Российская Федерация; e-mail: drobots@mail.ru.

Куличков Алексей Александрович — соискатель кафедры судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск, Российская Федерация; e-mail: kulichkovalexey@gmail.com.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дробот С.А. Нападение на учреждения, которые пользуются международной защитой: сущность и совершенствование механизма уголовно-правового противодействия / С.А. Дробот, А.А. Куличков // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — Т. 9, № 1. — С. 68–77. — DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(1).68-77.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Drobot, Sergey A. — Associate Professor of Chair of Court Expertise, South Ural State University, PhD in Law, Associate Professor, Cheljabinsk, Russian Federation; e-mail: drobots@mail.ru.

Kulichkov, Aleksey A. — external PhD student of Chair of Court Expertise, South Ural State University, Cheljabinsk, Russian Federation; e-mail: kulichkovalexey@gmail.com.

REFERENCE TO ARTICLE

Drobot S.A., Kulichkov A.A. Attack upon internationally protected institutions: essence and improvement of mechanism of criminal law counteraction. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2015, vol. 9, no. 1, pp. 68–77. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(1).68-77. (In Russian).